

Чернов Иван Трифионович

Отец Чернова С.И., г. Курск

Родился 25.08.1925 в Саратовская обл., Салтыковский р-н, д. Чапушка

Место призыва: Салтыковский РВК, Саратовская обл., Салтыковский р-н

Дата призыва: 01.04.1943

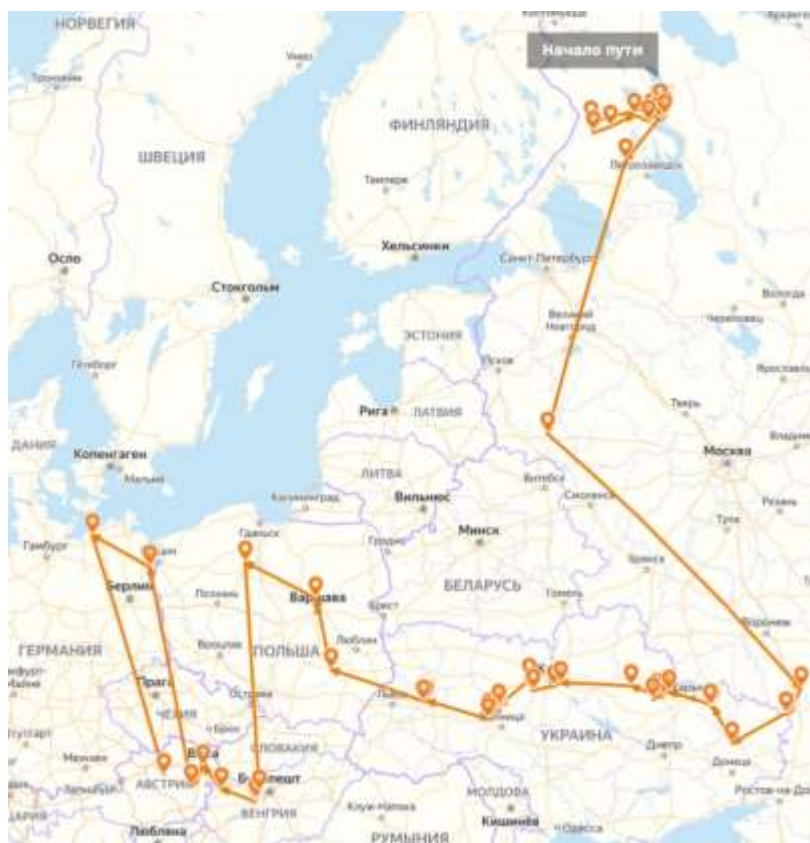
Место службы: 126 сп 71 сд 47 ск (126 сп, 71 сд, 47 ск); 272 сд (272 сд); 126 сп 71 сд (126 сп, 71 сд); 358 сп 19 сбр ПриВО (358 сп, 19 сбр ПриВО); 272 сд 2 Уд. А (272 сд, 2 Уд. А)

Воинское звание: старший лейтенант

Награды: Орден Отечественной войны II степени,

Медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»,

Медаль «За освобождение Варшавы»,
Орден Красной Звезды

Опалённые войной...

Тишина... Минута молчания... Минута памяти. Памяти о тех, кто сделал свой последний шаг, самый дорогой шаг ценою в жизнь, шаг в вечную память, которая будет передаваться по наследству как семейная реликвия.

Как больно бьет по натянутым струнам души этот монотонный стук метронома и как будто от этого грохочущего посреди тишины стука, напоминающего четкие шаги Почетного караула, рождается тихая и скорбная мелодия «Реквиема», как будто это внутри тебя оживают и звучат этими струнами ноты печальной симфонии и скорбит душа внезапно набежавшим тихим дождем среди ясного майского неба.

Только один раз в году мы слышим эту мелодию и этот стук, заставляющий сердце биться ему в унисон, замирать и помнить, жить вместе с теми и за тех, кого уже нет, и еще раз, по велению души возвращаться и вспоминать то, что мы слышали или читали о войне, о тех людях, о тех солдатах, которые вынесли ее на своих плечах, о наших близких, которые погибли на этой войне или не дожили до наших дней.

Все меньше и меньше с каждым годом, с каждым днем остается ветеранов той страшной войны. Пройдет еще немного времени и мы уже никогда не сможем услышать о тех событиях, как говорится, из первых уст. Мне в жизни повезло. Я имел счастье слышать об этих опаленных войной годах из первых уст, из уст своего отца-фронтовика. Не часто он рассказывал о трудном военном времени, видно не просто было вспоминать о том, что пришлось пройти и пережить. Но остались воспоминания, остались его записи, по материалам которых я от его лица постарался очень кратко рассказать о том нелегком периоде и тех событиях, которые выпали на долю моих родителей.

Итак:

Шел 1943 год. 13-го апреля по исполнению 17-ти лет от роду я был призван в армию. Уходил из дома, как считали верующие, в несчастливое число. Догадывался, что волновались и шептались родственники по поводу 13-го числа, что быть несчастьем в моей судьбе.

Время призыва мы не знали, но потихоньку готовились. Вот-вот придет и мое время служить. Товарищи рождения первой половины 1925 года уже служили. Собрал команду в Салтыковском райвоенкомате Саратовской области, нас поездом отправили в 358-ой запасной полк на станцию Татищево под Саратов. Приехали ночью. Кругом солдаты. Мы построились и пешком отправились в лагерь. Шли семь километров. Как многие, так и я имел с собой провиант (сухари, табак и т.д.). Вес довольно внушительный для такого перехода, а дорога размыта, темно. Идем медленно, падаем, а на нас покрикивают: «Шире шаг!».

Татищевские лагеря знаменитые, образованы еще при царе. Во всех лагерях были вырыты обширные землянки, в них – двух- и трехъярусные нары, постелей нет. В каждой землянке располагался батальон, теснота - не пройдешь. Нары были сделаны по законам военного времени из кругляков деревьев, расколотых пополам и немного выправленных из-под топора. Спали одетыми и постелью в начале

служила своя фуфайка. Столы в столовой также были из расколотых пополам тонких деревьев. Кормили очень плохо. Через несколько дней меня перевели в маршевую пулеметную роту. Во время сна, а я спал на нижнем этаже нар, голодные солдаты, готовившиеся на фронт после госпиталя, ночью залезли под нары, раздвинули палки, разрезали мой сидор и забрали сухарей, табаку, еще кое-что, но и мне, правда, оставили. Теперь я понял, что из дому брать ничего не следовало, ведь весь полк не накормишь. Поэтому я решил остатки раздать всем ребятам, кто был со мной в отделении.

Пришел месяц май и пошли тактические занятия. Жара стояла сильная. Готовили нас для фронта по ускоренной программе. Занятия каждый день без отдыха. Тут я почувствовал «почем фунт лиха», когда приходилось с пулеметом весом в 70 килограмм ползти по-пластунски, толкая его на колесах впереди себя.

В выходные дни рота получала со склада полка мыло и старое обмундирование по несколько брюк и гимнастеров, и мы отправлялись на озеро стирать это добро. Сначала не знали, думали грязное обмундирование, а потом в процессе стирки увидели, что оно местами порвано осколками, со следами крови и поняли, что все это с наших убитых бойцов.

В один из дней нас вдруг построили, так как приехал покупатель-представитель Саратовского танкового училища. Моя кандидатура подошла, я ведь работал трактористом и знал машину, но волею случая я вместо Саратовского танкового попал в Орджоникидзовское пехотное училище, о чем не жалею - лучше умереть на земле, чем сгореть в танке. Так я стал курсантом пехотного училища, которое в то время стояло в г.Энгельсе Саратовской области. Только что закончилась Сталинградская битва и усиленно готовились бои на Курской дуге, куда я должен был попасть с маршевой ротой. Только что прорвали блокаду Ленинграда. По ночам самолеты немцев прилетали бомбить Саратовский нефтеперегонный завод и железнодорожный мост через Волгу. Ночью во время налета мы выходили из казарм, занимали места в траншеях и слушали бомбежки и свист падающих осколков на наши головы от зенитных снарядов, рвавшихся в воздухе.

Началась учеба. А в начале сентября все училище было передислоцировано в г.Орджоникидзе, который стоит на равнине в предгорье Кавказских гор. И учеба продолжилась дальше: стрельбы, занятия по 10 - 12 часов по сокращенной программе (трехгодичная программа была сжата на один год).

И вот по окончании, в звании младшего лейтенанта я был отправлен на фронт севернее Варшавы. В этом районе вела бои за плацдарм 65-я армия, в состав которой и вошел наш 47-ой стрелковый корпус. Эшелон прибыл на какую-то маленькую станцию. Шли к фронту только ночью, переход длился трое суток. Уставали сильно, просто засыпали на ходу. Вроде бы идешь по дороге, смотришь вперед, а в голове сон и как бы раздваиваешься на две части - одна часть идет, а вторая дремлет и даже представляется сон. Просыпаешься, только когда споткнешься.

При подходе к плацдарму километров за двенадцать - пятнадцать я уже увидел фронт со своим грохотом и заревом. Впечатление такое, будто зарево в темноте ночи - как открытая пасть огромной печи, где бушует пламя и что-то гулко клокочет и гудит. Представляешь, что гудит, скрежещет и ухает какая-то неумная сила, как огромный жернов, вращаясь, перемалывает все живое и неживое. Все, что

сейчас движется туда - колонны солдат, танки, машины, пушки - все это без остановки направляется в эту страшную огненную пасть войны, не оставляя следов о себе и уходя в небытие.

Но вот переход окончен. Мы остановились в лесу возле железной дороги. Получаем новое обмундирование, шапки, шинели, сапоги, одеваемся в новое белье. Совсем, как бывало перед смертью делало наше старшее поколение, и это как-то вносит уныние в наши души. Занимаем оборону во второй траншее. Немцы ведут сильный ружейно-пулеметный огонь по нашим передовым ротам. Шальные пули все летят к нам. Из окопа высовываться опасно. Наконец вызывают офицеров к комбату в тыл на опушку рощи. Выскакиваю из окопа и, пригнувшись, бегу по направлению к роще метров двести. Пробежав, слышу пока незнакомый свист и тут же разрыв впереди меня метров за 50. Я залег. Второй разрыв ухнул сзади на таком же расстоянии. Мгновенно вспоминаю учебу и рассказы бывалых солдат, что меня взяли «в вилку». Немедленно вскакиваю и бегу в воронку первого разрыва. Она мелкая и еще дымиться. Третий разрыв действительно пришелся в середине, но меня уже там не было. Минометный огонь по мне был недолгий, еще мин 5-6 и огонь прекратился. Срываюсь рывком и бегу дальше. Немцы опять открывают минометный огонь, но я уже в укрытии. Вот оно - первое боевое крещение, но для меня это было страшно, ведь по мне вели прицельный огонь.

Каждое утро, ровно в 6 часов немцы поднимали нас артминометным огнем по нашим окопам. Обстрел продолжался в течении десяти минут. В окопах трудно укрываться от такого огня и каждый рискует быть пораженным осколками. Поэтому мы выбирали места, где глинистая почва и там начинали рыть узкие окопы, чтобы меньше было попаданий. Также рыли небольшие землянки на 3 - 5 человек

с узким выходом в направлении тыла, чтобы мины не попадали прямо в дверь землянки. Копали их глубокими, перекрывали бревнами, а сверху - слоем земли. Достаточно надежными они оказались от мин батальонных 81 миллиметровых минометов. Вооружение у нас было хорошее, патронов достаточно. Я сам всегда носил автомат ППШ с двумя дисками (это 140 патронов), две гранаты Ф-1. Плохо только то, что мое личное оружие лишь занимало место на ремне, так как толку от него было мало. Это был револьвер системы «Наган» и к нему 7 патронов, только то, что было в нем, запасных нет. Носил я его на всякий случай, возможно, пригодится в тяжелую последнюю минуту.

Вступил я как-то ночью в поединок с немецким пулеметчиком. Он, немец, ходит по траншее и ведет огонь по нас с разных мест. Мы его так и называли - кочующим пулеметом. Его хорошо было видно. Он вел огонь трассирующими пулями и прекрасно было видно, откуда начинается эта трасса. Как только он начинает стрелять я быстро, наугад, более-менее наведя пулемет, давал туда очередь. Смотришь, реже начинает стрелять, а иногда и перестает. Что с ним – пойдешь проверить, возможно и попадал. Однажды я открыл огонь по такому пулемету и получил в ответ такой шквал, такую очередь. Меня всего засыпало крошками земли, а утром я увидел, что у моего пулемета пробит пламягаситель. Точно он меня засек, но к счастью не задел. И в последующие дни я продолжал такую охоту. Часто садился в траншее, маскировался со снайперской винтовкой. В оптический прицел очень хорошо видно немцев. Но они не показывают головы. Иногда случайно высунется голова на короткое время, а выстрелить не всегда успеешь. Часто бил по таким целям, но ведь, как я говорил, немцы не скажут и сам не пойдешь проверять результат выстрела.

В конце декабря 1944 года стало даже нам - рядовым и младшим офицерам заметна активность войск в обороне из немецкого тыла. Из района города Насельска по ночам вели огонь дальнобойные тяжелые орудия по нашим тылам. Наша ночная авиация вела разведку ночью и забрасывала противника мелкими бомбами. В большинстве летали самолеты «Кукурузники» (У-2). Ночью стоишь в окопе, слышишь в небе легкий шорох воздуха, присмотришься, а У-2, набрав высоту из тыла, подлетая к передовой, выключает мотор и планирует в тыл к немцам. А там незамеченным высыпает все содержимое на цель и, взревев мотором, уходит на свою сторону. Что тут начинается! Все открывают по нему огонь, пулеметы, зенитки из тыла, а самолет низко над землей уходит туда, откуда прилетел.

Немцы выставляли за окопы громкоговорители и с музыкой в перерывах вели усиленную звуковую пропаганду и агитацию, чтобы мы переходили на их сторону, разбрасывали листовки, которые должны были быть пропуском для перехода. Ночи стали морозными. Как раз такими ночами хорошо слышна агитация. Наши солдаты прекращали стрельбу и слушали особенно музыку. Немцы специально подбирали нашу танцевальную музыку. Слышимость хорошая и солдаты слушали и шутили: «Пусть, мол, фрицы скоро встречают нас в гости, побольше запасают шнапса и готовятся драпать на запад».

Немцы нас пугали, что скоро они применяют новое оружие и все мы навечно останемся на польской земле, что мы не только не дойдем до германской, а и назад

не сможем уйти живыми. Но в это никто не верил, потому как видели и знали, какое у фрицев оружие и что нового у них ничего нет.

В конце декабря 1944 года я был дежурным по обороне роты. Во второй половине ночи, ближе к утру, зная, что солдаты уже устали и клонит ко сну, я обошел всю роту. Все вроде нормально. Осветил несколько раз ракетами нейтральную полосу. Мой взвод (а я был командиром взвода) стоял на правом фланге роты. Я дошел до соседнего взвода, как вдруг в моем взводе вспыхнула стрельба из автомата. Я, почувствовав неладное - скорее туда. К моему приходу все стихло и сержант мне рассказал, что он заметил какое-то движение над окопом и промелькнувшие фигуры. Зная, что своих там нет, он без предупреждения открыл огонь из автомата. Кругом темно, видимость плохая, но он все же заметил убегающие фигуры от окопов в сторону немцев и выпустил туда наугад целый диск патронов. Все успокоилось. Когда мы с ним проверили солдат, оказалось, что нет одного солдата - пулеметчика и площадка, где стоял пулемет, была пуста. Поискали мы и не нашли ни солдата, ни пулемета. Вскоре мы нашли пулеметчика в другом взводе в траншее, испуганного. Он не смог толком объяснить, что случилось и как. Увидев немцев, он уже не смог дать по ним огонь, - уж слишком они были близко. Видя такую обстановку, он убежал по траншее. В это время их заметил мой сержант Чабан и открыл огонь. Немцам, увидевшим, что они обнаружены, ничего не оставалось делать, как уходить и, видимо, в качестве доказательства того, что они были у нас, прихватили пулемет. Главное, что не захватили «языка», а шли то ведь они за ним.

Об этом случае я лично доложил комроты. Он то и наделал шуму на всю дивизию. Командир роты лейтенант Зубарев доложил комбату по телефону. Но на фронте была единая телефонная связь по дивизии и до комроты все телефоны на одном проводе. Когда говорят двое, слышат все телефонисты дивизии и этот разговор получил мгновенную огласку. Буквально через полчаса здесь были представители полка, стали выяснять, как все случилось, где были дежурные, но все солдаты подтвердили, что дежурные, в том числе и я, были здесь и никто не спал. И все вроде бы обошлось нормально, кроме потери пулемета. Но что такое пулемет на фронте? Главное люди не попали в качестве «языка» к немцам.

Этот случай явился для нас большим уроком бдительности, ведь за все приходится платить жизнью. Конечно комбат сделал внушение комроты, что не доложил лично, тогда не было бы такой большой огласки, а это пятно на весь полк. Мне хорошо вставили чертей за этот случай. А на второй день начались мои мытарства по этому поводу. Сразу вызвали на бюро ВЛКСМ полка. Я подробно им все рассказал про то, что было. Пожурили, предупредили, но не наказали. Правда, после бюро вызвал меня начальник особого отдела и потребовал письменного объяснения и вызывал потом еще несколько раз, но вроде пронесло.

Числа 12 января 1945 года мы уже знали, что через день-два мы идем в наступление. Но к великой удаче нас 13 января в ночь сменила другая часть и мы были выведены во второй эшелон. Это совсем рядом, но не в первой шеренге во время начала прорыва, где каждая пуля твоя. Прободрствовали мы остаток ночи на улице в лесу. Костра разжечь ни в коем случае нельзя. Утром 14 января 1945 года в 6 часов утра все кругом как прорвалось. Вначале заскрипели «Катюши» как сигнал начала артподготовки, затем орудия всех калибров, танки, минометы и все, что

было на плацдарме. Все заговорило. Такой стоял гул, что рядом ничего нельзя было слышать. Это в моей жизни было услышано впервые и стало как-то не по себе, и в тоже время гордость взяла за такую силу, которую я услышал.

Как только закончилась артподготовка, наш полк ввели в прорыв, если можно так назвать, ведь прорвана была не часть, а вся оборона немцев. Батальон пока еще в колонне ввели в прорыв, где царила страшная картина боя. Все кругом горело, рвались снаряды, везде подбитые танки. Уже прошли артиллерийские части на тягачах и валявшиеся трупы на дороге были вмяты в асфальт, так, что видны только тряпки и раздавленные кости. Все размолотили машинные колеса. Очень страшно, особенно в начале наступления. Здесь самый тяжелый бой, когда встретились две силы и идет борьба - чья сторона перевесит, кто сильнее сделает нажим, какие силы выстоят, кто кого вперед сломает. Я не знаю, что может быть страшнее этого момента.

Впереди города Насельск и Пултуск. Немцы бегут, но оказывают сопротивление, особенно оставшиеся целыми пушки и самоходки. Более 10-ти дней мы наступали. Были и сильные бои, которые задерживали наше наступление. Было так, что немцы уходили со своих позиций и приходилось их догонять и тогда были большие утомительные переходы, во время которых бои вспыхивали абсолютно неожиданно.

В основном наступаем днем и лишь ночью иногда бывает возможность отдыха. Как правило, ночь проходит в поле. Укрываясь в лесах, бывает возможность обогреться и обсушиться. Спать, чаще всего, ложимся валетом по 3 человека – двое рядом, третий ложится в середину на ноги двоих, а те двое на ноги среднего. А раз

ноги в тепле, значит, и сами меньше мерзнем. Чаще конечно, находим какой-нибудь сарай или коровник с чердаком, на котором, как правило, лежит сено или солома, а это для солдат комфорт.

Преследуя немцев после короткого боя на одном участке, мы были переброшены на другой. В момент остановки я увидел на перекрестке дорог свежий солдатский обелиск из дерева. Подойдя к нему, прочитал на обелиске фамилию, имя и отчество моего земляка, с которым вместе призывались и учились в училище. Знал я и его отца Чигирева Василия Николаевича.

В один из дней, когда немцы предприняли контратаку против нас, мы залегли и вели с ними бой. Мне пришлось, укрываясь от пуль, залечь в совсем мелкую канаву, на лед. Но впоследствии лед стал таять, и я оказался в небольшой луже, а уйти немец не дает и при малейшем движении открывает огонь. Так мне пришлось около 2-х часов пролежать в ледяной воде. Лишь небольшой холмик защищал меня от пуль. Я вел огонь из автомата, но подняться не мог. В конце боя я весь промокший обсушился около печки, принял 100 грамм чистого спирта и уснул как убитый до утра, оставив за себя своего помощника. Утром я пошел к своему взводу. Пулеметчик Зорченко И.П. позвал меня и сказал, что ночью из леса подходила группа людей, и когда он их окрикнул: «Стой, кто идет?», они не ответили и стали углубляться в лес. Тогда он наугад вслед им выпустил очередь из пулемета, и все стихло. Я решил посмотреть, кто там был и сколько их. Взял с собой двух снайперов. Пройдя метров пятьдесят, мы увидели на снегу несколько следов, один подозрительный. Впоследствии на следу появилась кровь – значит ранен, и мы пошли по следу. Я шел впереди. Пройдя метров сто, увидел впереди на кусте не опавшую листву. След направился к нему. Ничего не подозревая, я подошел к кусту и потерял след. Постоял, огляделся, а потом зашел по другую его сторону и услышал сзади выстрел. Сообразив, что это по мне, но я живой, оглянулся на своего товарища. Смотрю, стоит мой снайпер Давыдов весь белый от испуга. Немец же лежит в окопчике внизу оглушенный прикладом, а в стороне на земле лежит новенький «Парабеллум», вороненый. Потом я узнал, что когда я отвернулся немец поднял пистолет, но не успел прицелиться. Снайпер Давыдов заметив его, не раздумывая, ударил его прикладом по шее, хотел по голове, но промахнулся. В это время почему-то выстрелила его винтовка и видимо от того, что в снайперских винтовках очень слабый спуск или по какой-то еще причине. И выстрелила она, опалив ему лицо, что и напугало моего товарища. Этого немца мы не могли оставлять в живых, хотя он и бормотал: «Кляйн киндер». Пистолет его я взял себе, как источник моей чуть не наставшей смерти, на память.

Прошло четыре месяца боев с немецкими войсками. За этот период мне пришлось близко узнать, что такое война. Теперь я уже был достаточно обстрелян, привык и не кланялся каждой шальной пуле, зная, что раз она свистнула, значит это не моя. Да и все уже как-то привыкли к ведению боя, стали спокойнее, увереннее.

Так с каждым днем мы с боями все дальше и дальше продвигались по Польше. После краткой остановки в Хойнице наш батальон получил приказ на наступление на север вдоль железной дороги. Мой взвод наступал на правом фланге роты и мы сразу же наткнулись на немцев, которые вели огонь из глубины

леса по нашей роте. После небольшой перестрелки нас остановил огонь из шестиствольного миномета. Это самое сильное оружие немцев. Был он реактивным, с довольно мощными термитными снарядами. Называли его солдаты по разному: кто «ишаком», потому что стреляя, скрипит как ишак, кто называл «скрипачом». Одним словом это грозное оружие наподобие нашей «Катюши». Прилично он нас задержал. Мы попали прямо под его снаряды, а ложились они густо.

Но наступление продолжалось. Взвод вышел на железную дорогу. Немцы отступали сначала почти не ведя организованного огня. Местность была уставлена беспорядочными минами и, догоняя роту, мы увидели убитого связного нашего комроты, который подорвался на mine, и на нем загорелась фуфайка. Я впервые в жизни увидел, как горел человек. Был он по складу полный. Тело все полопалось и человеческий жир горел, разбрызгивая огонь как сало по сковородке с очень сильным пламенем. Мы его затушили.

В Польше во второй половине февраля, вернее к концу месяца стало тепло, светило солнце. Снег стаял, стало грязно. А тут, откуда-то так рано появились комары и просто заедали. Что мы только не делали. Окопы накрывали ветками хвои, засыпали их сверху песком, выгоняли комаров, а потом лаз закрывали плащ-палаткой. И все равно, грызли и донимали хуже пуль.

Накануне большого наступления ночью в наше расположение прибыл штрафной батальон и на рассвете пошел в наступление на нашем участке. Видимо участок был сильно укреплен. Как раз на таких участках часто бросали в бой штрафников, а потом за ними развивали наступление и другие части. Погибло их много. Но война есть война. Нам тоже приходилось наступать на оборону противника не легче штрафников. Часто выручала наша авиация. Штурмовики – вот фронтовые труженики. Идут они без охраны истребителей партиями, волна за волной, низко, чуть не задевая за вершины деревьев. Проходят передовую и начинают разворот. Один за другим идут на цель и ведут огонь из установок РС (снаряд «Катюши»). Как зайдут на колонну и молотят у всех на виду. Гоняются и за танками, не боятся и немецких истребителей, скорее те избегают вступить с ними в бой. Ершистый это самолет, здорово огрызается своим крупнокалиберным пулеметом, направленным в сторону хвоста.

В один из дней, когда взяли высотку, наш комбат чуть приподнялся, чтобы показать местность куда наступать, как из его сдвинутой на затылок шапки сзади жгутом вылезла вата и шапка упала с головы. Чуть бы пониже и не было бы комбата в эту минуту. Сначала он не обратил внимания, а чуть позже, увидев жгут и дырку в шапке тоже испугался, аж в лице изменился. Нам стало совсем понятно, что наступать здесь без артподготовки или без техники невозможно, мы положим весь батальон, не добившись успеха. Очень крепкий орешек нам достался. Пехота на пехоту, причем пехота немцев с пулеметами и в укрытиях, а мы голой грудью во весь рост на пулемет. Но так было в начале войны. Теперь же мы тоже кое-чему научились и в таких трудных обстановках останавливали наступление, берегли солдат, а данные передавали минометчикам или вызывали самоходки и старались подавить огневые точки, а затем возобновить наступление.

Как-то на привале в лесу собрал нас командир роты. Пришли мы к нему, расселись кто где мог по своему усмотрению. Командир роты сидел на поваленном

дереве, бойцы расселись здесь же рядом, я уселся прямо на земле. Сказав несколько слов, командир роты как-то опустил голову и ткнулся лицом в землю, упал. Как-то все случилось неожиданно, не услышали мы и отдельного выстрела. Была редкая стрельба, мы даже как-то растерялись. Подхватили его с земли, а он уже был почти мертв, только пошевелил губами, и изо рта потекла струйка крови. Пуля прошла через левую лопатку и вышла в груди. Кто-то из солдат заметил, что выстрел был с дерева, метрах в семидесяти - ста от нас. Почему именно ему досталась эта пуля, ведь мы все сидели рядом? Видимо это стрелял снайпер, а снайпера охотятся на офицеров, расчеты пулеметов и пушек, одним словом за важными целями. Мы, взводные командиры, ничем по одежде не отличались от солдат, шинели наши грязные, замызганные. У меня, например, у шинели полы все в дырках, то ли пулями порваны, то ли где цеплял и порвал, всего не узнаешь. На ремне две - три гранаты Ф-1, автоматный диск с патронами, сумка полевая. Пистолет немецкий «Парабеллум» я носил не спереди, а сзади, поэтому нас и не отличишь от рядового солдата. Погоны я носил на шинели полевые и без звездочки. Мне комбат неоднократно делал замечание: «Чернов! Кто ты есть, младший лейтенант или капитан, черт тебя разберет?». Ну, а где я возьму звездочки на фронте? С убитого что ли снимать? Нет уж, лучше я буду неизвестным офицером. После войны, если буду жив, разберемся, а пока меня солдаты и так знают, а старшие офицеры, слава Богу, не видят. Они на передовой в наступлении не бывают, кроме комбата конечно. Одним словом на фронте можно и без внешнего вида. Главное сохранить жизнь свою и солдат, выстоять, одолеть проклятого фашиста. Да, солдат моих осталось совсем мало, большинство полегло во время наступления. Да и офицеров многих не стало. Война прореживает наши ряды.

Весь наш батальон находился на опушке поляны. Немцы уже с утра начали нас активно обстреливать из винтовок, пулеметов. Другое оружие пока молчало. Во второй половине дня все кругом загудело, затрещало, поступила команда на наступление.

Как только поднялась цепь и вышла на поляну, мы встретили плотный пулеметный огонь и сразу же залегли, отойдя чуть в лес. Появился у нас в батальоне новый незнакомый заместитель командира батальона по строевой части. Он сидел в окопе и кричал: «Вперед!», держа пистолет в руке. Другого оружия он не носил. Подозвал меня, а сам не выходит наверх и кричит: «Поднимай взвод, иначе...» и пистолетом мне угрожает. Ну, думаю, что в голове у этого вояки, чем черт не шутит, возьмет и шлепнет в спину и будь здоров. Мне ничего не оставалось делать, что будет, то и будет. Поднялся во весь рост, пошел по цепи. Солдаты лежат, уткнулись лицом в землю, головы не поднимают. Режет фриц из пулемета по кустам, не прицельно, но все же пули у нас гуляют, заставляют кланяться и предпринимать меры предосторожности. Подошел я к одному солдату, толкнул его ногой по его ногам, сказал, чтобы сделал перебежку дальше. Подошел ко второму. Так, по одному и перебегают солдаты, а немец бьет из пулемета. Подошел я к солдату Ткаченко, сказал ему тоже самое, а он повернулся ко мне, слегка приподняв голову, и как-то клюнул головой вниз. Лежит, а по телу у него дрожь какая-то прошла и все, умер мой боец. Попала ему пуля прямо в голову, а я, отчаявшись так и стою перед ним во весь рост, но, видимо, не судьба мне погибать здесь. И только после, спустя некоторое время, стало уже как-то не по себе. Ведь сам прекрасно понимал, что очень сильно рисковал, когда ходил под пулями во весь рост, но что сделаешь, был поставлен в такие условия и иначе не мог, или убьют, или ранят, но к счастью не случилось ни того, ни другого.

Потрепали мы немцев немного, и они отступили, стрельба прекратилась. Батальон собрался, построился в колонну и пошел походным порядком по лесной дороге влево по отношению к отступающим немцам. Шли тихо, переговаривались только в исключительных случаях и вполголоса. Стало темно. Прошли часа два и остановились на привал. Курить запрещено, чтобы не было никаких признаков нашего здесь присутствия. Прошли еще несколько километров по лесу. Вдруг тихая команда по колонне остановиться и соблюдать полнейшую тишину. Иду в голову колонны, там разведчики привели двух немцев. Комбат спрашивает, где задержали? Оказывается совсем недалеко от колонны, около дороги. Через переводчика узнаем, что эти два немца несут из тыла на передовую своим солдатам хлеб и колбасу, нарезанную порциями штук по двести у каждого. Из их рассказа установили, что передовая совсем рядом от нас, метрах в пятистах. Уже появились признаки рассвета и надо успеть принять меры, организовать или наступление или что-то другое.

Докладывать в полк, видимо, уже было поздно. Где, и в каком состоянии немцы мы не знаем. На организацию нет времени - впереди рассвет, а там и день, а мы в колонне. Комбат немедленно отдал приказ ротам развернуться в цепь влево от дороги. Справа опушка леса и чистое место. Туда нельзя. На открытом месте немцы нас просто расстреляют из окопов.

Мой взвод оказался в очень невыгодном положении. Развернувшись в цепь, мы переместились вправо вдоль дороги от цепи роты и вышли к высоте в лесу, а правый фланг прямо на опушку леса. Не успели мы разглядеть, что к чему и окопаться, как стало уже почти светло. Я увидел впереди на высотке, метрах в пятидесяти, окопы немецкой обороны. Мы оказались самыми крайними в батальоне перед

немецкими траншеями. В нашем взводе оказался комвзвода пулеметчиков старший лейтенант Калягин со станковым пулеметом. Заметив нас, немцы открыли огонь почти в упор и начали забрасывать нас гранатами. Мы открыли ответный огонь. Длилось это недолго, возможно минут тридцать. Расчет станкового пулемета хорошо нас прикрывал, но вскоре пулеметчик был убит, а его помощник ранен. Тогда сам Калягин лег за пулемет и вел огонь, пока были патроны, после чего он ушел к другому пулемету в другую роту назад. Вскоре у нас слева оказались немцы, которые вышли к опушке леса, разделив наш взвод. Мы остались перед высоткой человек семь. Хотели отойти к своей роте влево, но не тут-то было. Там, совсем рядом немцы и к тому же не видно в лесу всей обстановки.

Убило еще двух солдат, которые вели огонь по немцам чуть впереди меня. Со мной осталось два молодых солдата. Оценив обстановку я понял, что мы отрезаны и наше дело очень серьезное. Сейчас немцы все это обнаружат и нам, как говорится, конец. Понял я, что наш батальон ушел, иначе нам бы помогли, но все получилось так, как сейчас есть. Я увидел, что немцы уже свободно ходят там, где были наши солдаты и это значит, что помощи нам уже ждать неоткуда и поэтому мы никоим образом не должны себя обнаруживать, тем более что нас осталось трое. Мы отошли на опушку леса. Там, в сторону поля шла тропка, заросшая по сторонам мелким кустарником. Пока немцы нас не заметили, мы ушли из леса по этой спасительной тропке метров на сто. Дальше сложилось трудное положение. Впереди чистое поле и небольшой подъем метров триста до вершины холма. Как преодолеть это чистое место незамеченными? Да и торопиться надо, пока нас не обнаружили.

Сбросив с себя телогрейки, мы остались только в гимнастерках и решили броском, что есть сил бежать по открытому месту вверх. Вдруг сначала не заметят нас немцы, а потом мы, возможно, успеем добежать до спасительного холма. И мы рванули что есть силы. Вот позади пятьдесят метров. Немцы молчат. Вот еще двадцать пять из последних сил. И вдруг я, даже не услышав выстрела, увидел как у впереди бежавшего солдата в одно мгновение как-то разорвалась голова. Вначале не понял. А оказывается, по нам начали стрелять разрывными пулями. Вот тут и пришла мысль – вот сейчас, вот в следующую секунду и моя очередь. А мы все бежим. Пули начали свистеть и звенеть, отлетая рикошетом от земли. Страшнее нет минуты, когда ты являешься целью, по которой ведут прицельный огонь и уже видны результаты этого огня. Мысли молниеносно пролетают в голове в поисках выхода и спасения, но все это не зависит от тебя, ты во власти судьбы. По нам опять пустили очередь, а мы пока живы. Пришлось заканчивать наш бросок, пробежав метров сто или чуть больше, не достигнув спасительной вершины. Машинально сработала мысль, когда перед нами оказался маленький окопчик. Видимо, вырыт он был на каких-то занятиях. Был он очень мелким, чуть выше колен, в длину метра два. Влетели мы в него, отдышались. Кажется живы и ранений нет, но тревога не убавилась, а наоборот. Мы оказались на голом месте в совсем мелком окопчике. Лежим, согнувшись в три погибели. С трудом можно поменять положение ног, да еще и под прицелом метрах в ста пятидесяти, не более. То, что мы под прицелом, убедились скоро. Чуть неосторожно повернувшись, нас видимо заметили, и тут же свистнула пуля, обдав нас песком. Значит, нам придется не сладко. Солнце

поднялось уже высоко, стало припекать. Жара, пот лезет в глаза. Песок летит за воротник и скрипит на зубах. Мой автомат, как я понял, стрелять уже не в состоянии, весь тоже засыпан песком. Почистить его нет никакой возможности, а поэтому - приходи и бери нас голыми руками. Солнце светит на немцев с нашей стороны, и я воспользовался этим, чтобы взглянуть и узнать, не идут ли к нам немцы. Стрельбы нигде не слышно, все как в мирное время - тишина и благодать. Немного склонив голову набок, я одним глазом оглядел опушку, где находились немцы. Они ходили по лесу, не выходя из него. Подходили и к тропинке, по которой мы уходили, но на чистое место не показывались, не рисковали подходить к нам. Если бы они знали, что мы не можем вести огонь, была бы катастрофа.

Солнце поднялось уже высоко и сильно припекает. Хочется пить, во рту пересохло, ноги затекли и уже ничего не чувствуют. Сделать рывок и преодолеть последние какие-то сто метров невозможно - ноги не справятся с такой задачей. Нам остается лишь одно - ждать и надеяться на чудо. Но где оно, чудо? Ближе к вечеру мы услышали характерный скрип стреляющей «Катюши», и вдруг этот залп пришелся на опушку леса, туда, где находятся немцы. Но радости от этого было мало - снаряды захватили и нас. Совсем рядом упали два снаряда. Нагнувшись еще сильнее, мы с трудом перенесли это. Настолько сильная взрывная волна, что больно в ушах. Вот-вот лопнут перепонки. Я закрыл уши ладонями, а помогает мало. Взглянув после разрывов я узнал, что снаряды были термитными. Весь лес дымился и горел. Все заволочло дымом. Нам бы в это время быстро покинуть окоп и удалиться, а мы не можем подняться, ноги совсем не чувствуют ничего. Не успели мы размяться, как дым рассеялся, и мы опять на виду. И так мы пропустили два залпа «Катюши» и не смогли уйти. Дождались вечера, и как только стемнело, мы попытались подняться, но вначале не могли двинуть ни рукой, ни ногой. Но, видя, что в нас не стреляют мы уже без опаски пошли вверх на холм. Прошли холм, стали спускаться вниз, а сами не знаем куда идем, возможно, к немцам. Но нет, пройдя около километра, мы услышали говор, суету, изредка рев мотора, русскую речь. Радости нашей не было границ. Здесь проходит дорога из Данцига на Гдыню вдоль побережья, и тут остановились танкисты на отдых. Потом и гармошка подала свой голос. Навел я справки, и мы нашли свой полк. К счастью он был недалеко. Когда вернулись, доложил комбату. Остатки нашего взвода тоже были здесь. Начальник штаба батальона капитан Акимов мне сказал, что хорошо, что он не успел отправить донесение после боя, где я значился пропавшим без вести. Вот еще бы немного и был бы переполох дома, но все, слава Богу, обошлось. Как оказалось, когда мы наткнулись на немцев и заняли оборону, комбат сообщил в штаб полка и немедленно получил приказ отвести батальон - по этим рубежам готовится удар артиллерии, в том числе и «Катюш», что комбат и сделал. Даже старший лейтенант Калягин успел уйти с батальоном. После немцы вышли на опушку, где был батальон, а мы остались в стороне и поплатились за это.

Отдохнув остаток ночи, мы утром пошли в наступление на то место, где были в последний момент. Наступление прошло успешно, и никто не оказал нам сопротивления. Придя на это место, я увидел страшную картину. Окопы завалены, очень много трупов немецких солдат, все кругом разворочено. Огонь «Катюш» пришелся точно по окопам немцев, да и нам досталось, ведь мы от них были недалеко.

Теперь мы заняли оборону на этой лесной высотке. Перед нами открылась картина окружающей местности. Внизу, уходя вдаль, проходила железная дорога из Данцига. Скаты холмов очень крутые и по их верхнему краю, метрах в семистах от нас густо сидели немцы в окопах. Мы просматривали немецкие позиции вдоль. Хорошо были видны торчащие головы. С нашей стороны справа к ним подбирались человек семь - восемь наших солдат, прикрываясь неровностями местности. Мы решили помочь нашим, и чтобы их не заметили открыли огонь вдоль дороги по немцам, заставляя их прятаться в окопах. Не знаю, какой там был успех у наших солдат, видимо разведчиков, а вот по нам открыла огонь артиллерия. Откуда не знаю летят и рвутся снаряды, сразу и не определишь. Забрался я в окопчик и присел на корточки. И тут, видимо рядом, разорвался снаряд. Присыпало меня песком вроде не очень сильно, но чувствую, что не хватает воздуха, кругом песок. Начинаю пробовать выбраться, но никак сразу не выходит. Увидел солдат Янковский, что меня песком присыпало и помог мне освободиться. Я бы наверно и сам выбрался, но все же помощь пришла вовремя.

Далее мы начинаем наступление на город Цоппот очень малыми силами, остатками полков и дивизий. Батальон понес большие потери, во взводе осталось не более человек двенадцати. На занятой позиции мы задержались почти целый день. Лежа подремали. Впереди немцев близко нет, местность открытая. Зеленеют всходы, слева внизу какой-то поселок, справа выше лес - там видимо немецкая оборона. Вижу, из поселка вышел немец примерно в километре от нас и идет в сторону леса, несет на плечах что-то, видимо тряпки на спине в узле. Решил я с ним поиграть. Взял немецкую винтовку, зарядил разрывными пулями и стал ждать, пока немец окажется на равном расстоянии от поселка до леса. Первый выстрел пришелся метрах в двух впереди немца. Это хорошо было видно по разрыву пули и белому клубочку дыма. Немец продолжает идти. Я еще сделал выстрел, немец лег, бросил ношу и лежит. Только поднимается, я еще раз стреляю, он опять ложится. И так я его довел почти до леса, осталось метров сто. Бросил он свою поклажу и как дал деру к лесу, только и видели его. Конечно, попасть в него очень трудно, расстояние очень большое.

Во второй половине дня наши подразделения и части пошли в наступление на Цоппот. К концу наступления вышли к Балтийскому морю. Недалеко от берега стоят несколько судов немцев и ведут огонь по городу, там, слева, уже ворвались наши части в Цоппот. Справа идут сильные бои за Данциг. Город горит, а слева такая же картина в Гдыне. Самих городов не видно, далековато, но стоит большой столб дыма - признак пожаров. Вошли в город. Там уже никого не было видно. Город брошен населением, немцы ушли на мелких судах к кораблям. Поэтому и было такое слабое сопротивление со стороны немцев - им некогда, они спасались бегством на корабли. Сам городок очень чистый, курортный. Вокруг города в лесах очень хорошие корпуса санаториев.

Вышли мы к морю и умывались, зайдя прямо в воду. А дальше направились на Данциг. Подошли вплотную к Мертвой Висле - это искусственно углубленная река Висла, чтобы была возможность заходить в порт крупным морским судам с большой подводной осадкой. Река на нашем участке не широкая, берега обложены каменной стеной. Уровень воды до края стены около двух метров. Чуть слева от

нас лежит на боку огромное судно и из отверстия якорной цепи пулемет ведет губительный огонь, не дает подойти к реке. Мы готовимся форсировать Мертвую Вислу, а здесь она очень глубокая. Недалеко от нас справа, километрах в двух, мост через Вислу. Там уже наши части переправились на противоположный берег и завязали бой. Подошедшая самоходка несколькими выстрелами заставила замолчать пулемет, но немцы вели огонь из стрелкового оружия. По немецкому берегу открыли огонь наши пушки и танки. Мы быстро вытащили, вернее, помогли саперам спустить надувные лодки на воду. Человек по двенадцать – пятнадцать сели в каждую лодку и отплыли. Все-таки я удивлен: по нам вели огонь, наша лодка тоже обстреливалась, даже было двое раненых, но лодка осталась на плаву – чудо, да и только. Подошли к берегу. Там уже стало не опасно. Мы были под стеной берега, там пулеметом не достанешь. Кто выкарабкался на берег, стали подавать концы, и по одному вытаскивать солдат наверх, которые сразу же занимали оборону и вели огонь по немцам. Освободив лодку, которая вновь поплыла за другой партией солдат, мы сразу развернулись в цепь и пошли в наступление.

Рота накапливалась на рубеже атаки. Впереди окопы, в которых сидят немцы. По команде рота поднялась и, ведя огонь в рост, пошла на окопы, из которых вели редкий огонь немцы. Описать эту атаку я не смогу, потому, что почти совсем ничего не помню. Помню, что ведя огонь на ходу из автомата я оказался в немецком окопе. Хорошо помню, что после того, как остатки немцев отступили, я сидел в большой воронке от бомбы и заряжал автоматный диск и парабеллум, в котором не было ни единого патрона. В кого я стрелял не помню. Пусть меня не посчитают за хвастуна, но я действительно не помню, что я делал во время атаки в траншее врага. Такая атака у меня была первая и не хочу, чтобы она когда-нибудь повторилась. Это великое напряжение нервов, такая страсть, что ее и не опишешь - находиться среди сотен смертей одновременно. Еще раз повторяюсь, что страх приходит уже после того, как осмыслишь свои действия.

Людей во взводе осталось совсем ничего - одно отделение и то не наберешь. Сидел я в воронке возле верхнего края и наблюдал за немцами. Внизу ее сидели еще двое или трое солдат. Немцы обстреливали наши позиции из артиллерии с кораблей и минометов, и надо ж было такому случиться, что мина попала как раз в нашу воронку. Взрыв был такой сильный, что я вывалился из воронки за ее край. Когда заглянул в нее, то увидел, что она стала могилой для тех солдат, которые сидели внизу. Хоронить там уже было нечего. Кругом разбросанные куски от солдат и тряпки - вот все, что от них осталось.

Данциг был в наших руках 30 марта 1945 года. Город предстал в развалинах, много военной техники было взято в качестве трофеев, немцы бросили много неисправных подводных лодок. В Мертвой Висле и в море возле гавани было затоплено много кораблей.

Этим закончилось наше наступление и уничтожение группировки немцев в северной части Польши. Нас отделяло теперь от фронта около четырехсот километров. Фронт подошел к реке Одер - границе фашистского логова Германии.

Из Данцига наша часть в колоннах выдвинулась в район города Гдыни и погрузившись на машины в конечном итоге прибыла в район города Штаргард.

Немецкое командование приняло срочные меры, бросив в бой свои последние резервы. Мы встречаем на своем фронте немецких солдат от 16-ти летнего возраста до стариков.

Далее подошли к городу Пренцлау. Завязались бои за город с вечера. Продвигаемся по улице города. Дома не высокие, двух-трех этажные и стоят один к одному вплотную так, что негде укрыться. В некоторых местах есть ступеньки, выходящие прямо на улицу. Вот за этими выступами мы и находили укрытия от пулеметного огня. Некоторые солдаты забирались на крышу дома и по крышам переходили с одного дома на другой - так было безопаснее. Наступая по улице к центру города, мы дошли до костела. К нему шла еще одна улица. Миновав его, мы увидели за ним немцев, которые толпой отступали по другой улице. Мы преследуем их почти без стрельбы. Вдруг появились две немецкие самоходки и пехота повернула за ними обратно и пошла на нас. Мы не готовы к такому событию и вынуждены отойти, обстреливаемые огнем из пулеметов и пушек. Ночь спасала от прицельного огня.

Утром наш батальон вышел на окраину городка. В город втягивались наши части, танки, самоходки, артиллерия. Танки стояли один за одним на шоссейной дороге в ожидании приказа на наступление. Немцы начали вести по ним стрельбу. Некоторые болванки попадали в цель и рикошетом со свистом куда-то улетали. Одна из них, упав недалеко, завертелась вьюном на земле, блестя своим цилиндром на утреннем солнце. Пехота, укрываясь за танками, пошла в наступление. Бронемашин нас прикрывали от пуль, но было хуже, когда осколочные снаряды, попадая в них, рвались и поражали пехоту осколками. Но наступление продолжалось.

Приближался конец войны. Хотя мы и не несли большие потери, но этот заключительный период войны был для солдат самым трудным в моральном смысле. Ведь вот он - конец войны, и виден со дня на день мир, и очень жаль было солдат, погибших за несколько дней до конца войны. Обидно пройти войну и погибнуть к ее завершению. Это были самые трудные времена.

А мы продолжали наступление. Когда-то при подходе к территории Германии Илья Эренбург призывал к отмщению немцам за наши разоренные города и села, за убитых и угнанных родных. Но ничего подобного не случилось. Наш солдат не мстил тем, кто не держал против нас оружия. Был строгий приказ не сводить счеты с мирным населением, а уничтожать только тех, кто с оружием в руках встает на пути. Поэтому немецкое население не питало к советскому солдату вражды и ненависти.

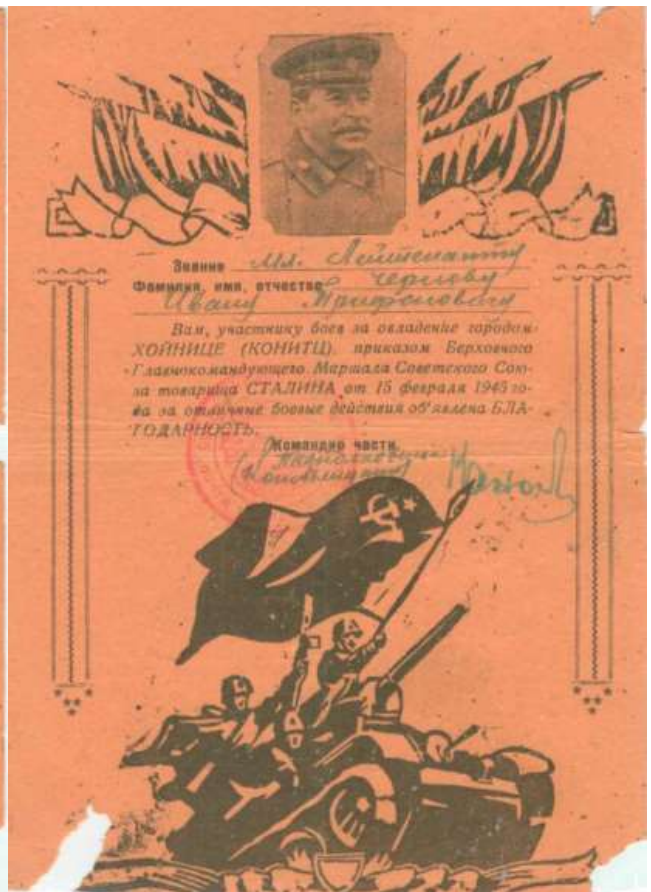
Мы сделали последний переход. Прошли город Бад-Доберан, Крепелин. В начале мая 1945 года, километрах в четырех от Крепелина, на опушке леса мы принялись оборудовать лагерь. Работа шла скоро. Кто копал котлован, кто заготавливал лес, кто на лошадях ездил километров за шесть - семь в Бад-Доберан за досками, фанерой, железом и шифером.

И вот 9 мая 1945 года приехал к нам командир полка подполковник Коноплицкий на трофейной легковой машине. Приказал построить батальон и сообщил, что война, унесшая многие миллионы жизней, закончена. На землю пришла Победа! Что тут творилось, ни рассказать, ни описать не возможно. Кто кричит «Ура!», кто плачет. Обнимаются и целуются солдаты. Везде слышна стрельба из

всего оружия. Это был тревожный и радостный день в жизни всех оставшихся в живых солдат, офицеров, генералов и всего советского, и не только советского народа. Не откладывая на завтра, многие немедленно стали писать письма домой, чтобы поделиться радостью с родными, рассказать, что войне пришел конец и они выстояли и выжили. И еще несколько дней как-то не верилось, что война окончена и мы остались живы. Ведь если сказать честно мы особенно и не рассчитывали, что останемся в живых. Это судьба, счастье или какая-то неожиданная случайность, подарившая жизнь, что мы выкарабкались из этого ада, из зубов смерти. Не описать этого чувства.

Но на этом моя служба не закончилась. После Победы я был направлен в учебный батальон 272 стрелковой дивизии, расположенный недалеко на морском побережье в городе Рерик для подготовки сержантов для своей дивизии.

Данный материал подготовлен с использованием записей фронтовых воспоминаний Чернова Ивана Трифоновича.

К огромному сожалению, время берет свое. В 1993 году моего отца не стало. Но осталась память. Светлая и добрая память о родном человеке, который вместе с миллионами других фронтовиков, рискуя своей жизнью, защитил нашу землю от фашистского ига.

Чернов С.И.